

я титуль, или нѣтъ. Если я назовусь этимъ именемъ и поселюсь въ Италіи—что совершенно невозможно—я былъ бы ничто. Для него, который создалъ себѣ блестящее положеніе и, повидимому, располагаетъ значительными средствами, это не составило бы особой разницы. Но я увѣренъ, что онъ этого не желаетъ. Моя дорогая мать хочетъ быть къ нему справедливой, пожертвовать собою, но, боюсь, что самое большое ея желаніе—доставить сыну имя и титуль отца его.

«Что касается до меня, вы, я думаю, уже замѣтили, что мое желаніе остаться тѣмъ, чѣмъ я былъ при нашемъ послѣднемъ свиданіи, и быть, какъ всегда

«Искренне вамъ преданнымъ»

«Джорджемъ Роденомъ»».

Письмо это очень удивило лэди Франсесъ, удивило и обрадовало. Два дня она не отвѣчала на него и никому о немъ не говорила. Потомъ показала его брату, взявъ съ него слово, что онъ ни съ кѣмъ не будетъ говорить о немъ безъ ея разрѣшенія. «Это тайна Джорджа,—сказала она,—и ты, конечно, поймешь, что я не имѣю права ее раскрывать. Я сказала тебѣ объ этомъ потому, что онъ самъ сказать бы тебѣ, еслибъ былъ здѣсь». Братъ охотно далъ слово, которое, разумеется, останется въ своей силѣ только до свиданія его съ Роденомъ; но никакъ не хотѣлъ согласиться съ сестрой, которая смотрѣла на вопросъ глазами его пріятеля, хотя «новость» втайнѣ льстила ея самолюбію.

— Онъ можетъ предаваться какимъ угодно фантазіямъ насчетъ титуловъ,—сказалъ Гэмпстедъ,—какъ и я; но не думаю, чтобъ онъ имѣлъ право отказываться отъ имени отца. Я сознаю, что родиться графомъ и маркизомъ—бремя и нелѣпость, но мнѣ приходится съ этимъ мириться; и хотя мой разумъ и мои политическія убѣжденія и говорятъ мнѣ, что это—бремя и нелѣпость, но это бремя я несу легко, а нелѣпость не особенно меня раздражаетъ. Пріятно видѣть почетъ со стороны окружающихъ, хотя совѣсть и шепчетъ, что ты самъ ничѣмъ его не заслужилъ. Тоже будетъ и съ нимъ, если онъ займетъ здѣсь свое мѣсто, въ качествѣ итальянскаго аристократа.

— Но ему все же пришлось бы оставаться почтамтскимъ клеркомъ.

— Едва ли.

— Но чѣмъ же жить?—спросила лэди Франсесъ.

— Повѣрь, что отецъ взглянулъ бы на него гораздо благосклоннѣе, чѣмъ смотритъ теперь.

— Это было бы крайне неблагоприятно.